

*Г. С. Боеш*

## **Московская Патриархия в контексте внешней политики советского государства: проблемы межцерковного взаимодействия с Румынской Церковью в 1945–1948 гг.**

УДК 94(47)»1945/1948»+271.2-9+271.22(498)-9  
DOI 10.47132/1814-5574\_2022\_2\_382

*Аннотация:* Заключительный этап Второй мировой войны запустил трансформацию мирового порядка, одним из акторов которого становился Советский Союз. Простиравшееся на Восточную Европу геополитическое влияние СССР охватывало все сферы общественно-политической жизни стран народной демократии. Для достижения геополитических целей советское правительство использовало потенциал Московской Патриархии, которой отводилась роль центра мирового православия. Факторами межцерковного дискурса становились актуальные проблемы борьбы с католичеством и отношение к экуменическому движению. В период 1945–1948 гг. отношения Московской Патриархии с Румынской Православной Церковью не отличались большой активностью и носили формальный характер, обусловленный личным отношением румынского патриарха Никодима к коммунизму. Значительное влияние на тактику межцерковного сотрудничества патр. Никодима оказывало румынское правительство и лично премьер-министр П. Гроза. Крупными межцерковными событиями рассматриваемого периода стали визиты патр. Никодима в Москву и патр. Алексия I в Бухарест, а также обмены церковными делегациями.

*Ключевые слова:* МИД СССР, Московская Патриархия, Румынская Церковь, патриарх Никодим, патриарх Алексий I (Симанский), государственно-конфессиональные отношения, холодная война, Восточная Европа.

*Об авторе:* **Георгий Сергеевич Боеш**

Аспирант Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. свв. равноап. Кирилла и Мефодия.

E-mail: georgeboesh@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0446-1475>

*Для цитирования:* Боеш Г. С. Московская Патриархия в контексте внешней политики советского государства: проблемы межцерковного взаимодействия с Румынской Церковью в 1945–1948 гг. // Христианское чтение. 2022. № 2. С. 382–391.

**KHRISTIANSKOYE CHTENIYE**  
**[Christian Reading]**

**Scientific Journal**  
**Saint Petersburg Theological Academy**  
**Russian Orthodox Church**

**No. 2**

**2022**

---

*Georgiy S. Boesh*

**The Moscow Patriarchate in the Context of the Foreign Policy  
of the Soviet State: Problems of Inter-Church  
Interaction with the Romanian Church in 1945–1948**

UDK 94(47)»1945/1948»+271.2-9+271.22(498)-9

DOI 10.47132/1814-5574\_2022\_2\_382

*Abstract:* The final stage of the Second World War launched the transformation of the world order, and the Soviet Union was one of the figures of this shift. The geopolitical influence of the USSR, which extended to Eastern Europe, covered all spheres of the socio-political life of the countries of people's democracy. To achieve geopolitical goals, the Soviet government used the potential of the Moscow Patriarchate, which was assigned the role of the center of world Orthodoxy. The factors of inter-church discourse were the actual problems of the struggle against Catholicism and the attitude towards the ecumenical movement. During 1945–1948 the relationship between the Moscow Patriarchate and the Romanian Orthodox Church was not very active and did not extend beyond formal dialogue, due to the personal attitude of the Romanian Patriarch Nicodemus to Communism. The Romanian government and Prime Minister Petru Groza personally had a significant influence on the tactics of inter-church cooperation of Patriarch Nicodemus. The visits of Patriarch Nicodemus to Moscow and Patriarch Alexy to Bucharest, as well as exchanges of church delegations were major inter-church events of the period under review.

*Keywords:* Ministry of Foreign Affairs of the USSR, Moscow Patriarchate, Romanian church, Romanian Patriarch Nicodemus, Patriarch Alexy Simansky, State-Church relations, Cold War, Eastern Europe.

*About the author:* **Georgiy Sergeevich Boesh**

Postgraduate student at Saints Cyril and Methodius Theological Institute of Post-Graduate Studies.

E-mail: georgeboesh@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0446-1475>

*For citation:* Boesh G. S. The Moscow Patriarchate in the Context of the Foreign Policy of the Soviet State: Problems of Inter-Church Interaction with the Romanian Church in 1945–1948. *Khristianskoye Chteniye*, 2022, no. 2, pp. 382–391.

Окончание Второй мировой войны запустило процесс трансформации миропорядка и передел зон геополитического влияния держав-победителей. В новых условиях в странах Восточной Европы началось формирование политической системы, основанной на тесном взаимодействии национальных правительств с Советским Союзом и доминанте советской государственной модели. Среди направлений взаимодействия определенное место отводилось сотрудничеству в церковной сфере, в т. ч. и по линии национальных Церквей и отвечающих за религиозную политику государственных ведомств.

За период 1945–1948 гг. Русская Православная Церковь стала влиятельным актором международной политической жизни, действовавшим в соответствии с геополитическими интересами советского руководства. При этом церковная иерархия использовала возможности международной деятельности для восстановления разрушенных связей с Православными Церквями.

В отечественной историографии «церковный фактор» советской внешней политики и международные коммуникации Московской Патриархии давно пользуются особым вниманием исследователей. Наиболее значимые работы, затрагивающие межцерковное взаимодействие Московской Патриархии с Церквями славянских стран, принадлежат Т. В. Волокитиной. Взаимодействие с Румынской Церковью она рассматривает в контексте советской внешней политики на Балканах, используя широкий круг ценных источников из российских и румынских архивов. При ее участии в научный оборот были введены сотни архивных документов, освещающих «церковное» направление советской дипломатии [Волокитина, 2003, 99–125; Волокитина, 2008а, 162–179; Волокитина, 2008б, 2012, 68–84]; (Власть и церковь, 2009). Другие исследователи, как правило, ограничивались отдельными эпизодами международной работы Московской Патриархии и Румынской Церкви [Каиль, 2017, 19–40; Содоль, 2018, 258–272; Шкаровский, 2011, 173–222; Шереш, 2014, 487–530]. Несмотря на имеющиеся исследования, комплексного анализа проблема межцерковного взаимодействия Русской и Румынской Церквей в контексте советской внешней политики послевоенного периода до сих пор не получила. Таким образом, давно назрела необходимость всестороннего изучения обозначенной научной проблемы, в первую очередь — на основе не опубликованных до сего дня источников.

Первые официальные письменные обращения Русской Церкви к верующим Румынии были сделаны во время Великой Отечественной войны, когда при освобождении восточно-европейских государств от фашистской оккупации Московская Патриархия в лице митр. Алексия (Симанского) выступила с официальным обращением к «духовенству и верующим румынского народа» (Власть и церковь, 2009, т. 1, 46–48).

Расширение зоны геополитического влияния Советского Союза, по замыслам сталинского руководства, должно было достигаться в том числе через укрепление статуса Русской Церкви на международной арене. Составленный весной 1945 г. в Совете по делам Русской Православной Церкви план расширения влияния Московской Патриархии за границей в качестве основного направления этой деятельности включал русские зарубежные приходы и сближение с Православными Церквями по всему миру. В соответствии с документом, для активизации межцерковного взаимодействия предполагалось направить официальные церковные делегации в ближайшие Поместные Церкви в Восточной Европе (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 29. Л. 101).

В январе 1945 г. румынский патриарх Никодим (Мунтяну) передал советскому представителю С. А. Дангулову благодарность к Красной армии за освобождение страны и желание принять участие в торжествах по случаю избрания Патриарха Московского и всея Руси. Не стоит переоценивать эту инициативу, обусловленную не только дипломатической «необходимостью» контактов с Церковью страны-освободительницы, но и попытками социалистического Союза демократического духовенства раньше престарелого патриарха сближаться с Московской Патриархией и советскими органами власти. Об отсутствии у патр. Никодима особых симпатий к Русской Церкви красноречиво свидетельствуют агентурные сообщения

из его ближайшего окружения, согласно которым он считал ее «советской» и все-речь опасался возможного подчинения Москвой Румынской Патриархии [Волокитина, 2008б, 202].

Митрополит Алексей одобрил предложение Румынской Патриархии, и 31 января 1945 г. делегация румынского духовенства в составе епископа Арджейского Иосифа, председателя Союза духовенства прот. К. Бурдучи и нескольких священников прибыла на Всероссийский Поместный Собор (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 70. Л. 4). Не случайно патр. Никодим отправил вместо себя еп. Иосифа, известного доброжелательным отношением к Советскому Союзу. Как позднее отмечал заместитель председателя Союзной контрольной комиссии (СКК) И. Сусайков, в Румынии только в епархии еп. Иосифа в церковных журналах выходили статьи о связях Русской и Румынской Церквей, против расизма и фашистов, в то время как остальные периодические издания подчинялись «реакционным и фашистским священникам» (АВП РФ. Ф. 125. Оп. 14. Пор. 71. П. 132. Л. 13).

После возвращения на родину прот. К. Бурдуча описал свои впечатления от поездки в Москву в восторженном интервью: «Священники Советского Союза глубоко проникнуты сознанием своей миссии. Церковь, духовенство принадлежат народу. Это не аристократическая церковь. Она во всем разделяет жизнь советского народа. Лучшим доказательством этого является то, что церковь помогает государству в военных усилиях огромными денежными приношениями...» (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 70. Л. 10). Причиной хвалебного отзыва, как справедливо замечает современный исследователь, стало желание укрепить собственное положение в глазах советских представителей в Румынии [Волокитина, 2003, 118].

Несмотря на планируемый визит делегации Московской Патриархии, в апреле 1945 г. в Бухаресте случайно оказался епископ Кировоградский Сергей (Ларин), вынужденный сделать остановку по пути в Белград из-за нелетной погоды. В отчетном докладе об общении с патриархом он высказывал свое сомнение в искренности его слов и намерений об отношении к Русской Церкви (Власть и церковь, 2009, т. 1, 156). Подробности и итоги встречи достаточно подробно описаны в современной литературе [Шкаровский, 2011, 197–198].

Подготовка к встрече глав Русской и Румынской Церквей, ожидавшейся в первой половине 1945 г., обнажала имевшиеся претензии к деятельности патр. Никодима в Приднестровье в годы войны. В качестве дипломатического жеста учтивости и с намерениями разрешить проблемные вопросы отношений между Церквями патр. Алексей в мае 1945 г. отправил в Бухарест епископа Кишиневского Иеронима (Захарова), прот. А. Смирнова и свящ. М. Зернова, находившихся там с 12 по 22 мая.

Делегация привезла с собой послание Московского Патриарха, в котором дипломатично излагались претензии к патр. Никодиму. Поздравляя румынского предстоятеля с Пасхой, патр. Алексей напоминал, что Русская Церковь сохраняла евхаристическое общение и межцерковные отношения с Румынией даже тогда, «когда в годы внешнего разделения Румынская Церковь, уклонившись от истинных устоев Православия, допустила в отношении Русской Церкви поступки, не оправдываемые церковными канонами», и вторглась на территорию Бессарабии и Одесской области. Патриарх Алексей настоятельно «предлагал» установить единство в пасхалии с остальными Православными Церквями, вернуть старый стиль богослужений и сохранить употребление церковнославянского языка на территории Бессарабии и возместить уничтоженные церковнославянские богослужебные книги и церковную утварь. Отдельно он советовал выступить с инициативой перед румынским правительством об освобождении всех заключенных русских священнослужителей, репрессированных за подчинение Московской Патриархии и непризнание румынских реформ (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 70. Л. 25–26).

14 мая 1945 г. делегацию приняли патр. Никодим и министр К. Бурдуча; в ходе общения, как сообщал в докладе еп. Иероним, «обе стороны пришли к обоюдному соглашению» по вопросам богослужебного календаря, вывезенных из Молдавии

церковных ценностей и молдавском и украинском духовенстве (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 70. Л. 47). Однако никаких конкретных мероприятий на встрече не обсуждалось, а все обещания патр. Никодима явились лишь дипломатическими любезностями, носящими формально-декларативный характер. В то же время министр культов заверил русскую делегацию, что правительство готово действовать для укрепления сотрудничества между обеими Церквями и предпримет меры к возвращению приднестровского духовенства на свои приходы, покинутые в годы войны (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 70. Л. 114). Патриарх Никодим уклонялся от прямых ответов на предложения делегации, и по итогам встречи «вопросы о единении» «не получили должного разрешения» (Власть и церковь, 2009, т. 1, 423).

Итоги пребывания русской делегации в Бухаресте не принесли ожидаемых результатов, хотя еп. Иероним пытался сформировать в своем докладе «радушную картину» [Шкаровский, 2011, 200]. Его отчет содержал хронологическое описание протокольных мероприятий и богослужений и лишь незначительно фиксировал отношение Румынской Патриархии к решению проблем. Вполне возможно, что за пересказом хроники пребывания глава делегации стремился скрыть отсутствие результатов переговоров.

Все же патр. Никодим составил официальное письмо в ответ на послание главы Русской Церкви. Примечательно, что, несмотря на прекрасное владение первосвященником Румынской Церкви русским языком, послание было написано на французском. В этом письме патр. Никодим уклонился от прямого согласия с обвинениями в адрес Румынской Патриархии и мягко отказывался от реформы богослужебного календаря. На требования оказать содействие освобождению заключенного русского и приднестровского духовенства он недоуменно сообщал об отсутствии таких священнослужителей, но все же, для «прекращения всякого покушения на свободу совести», пообещал обратиться к властям (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 70. Л. 46).

Несмотря на половинчатые итоги поездки делегации, официальный ответный визит патр. Никодима по-прежнему планировался. Коммуникация между двумя Церквями осуществлялась по дипломатическим государственным каналам, с помощью которых доставлялась корреспонденция и происходило уточнение необходимых сторонам сведений. Так, в марте 1946 г. замминистра иностранных дел СССР В. Деканозов передал пожелание патр. Никодима посетить Москву в мае. В письме от 27 марта 1946 г. Г. Г. Карпов уведомил МИД, что поездку одобрил В. Молотов, а патр. Алексей ожидал прибытия румынской делегации 3–4 мая (АВП РФ. Ф. 125. Оп. 14. Пор. 71. П. 132. Л. 5, 6).

Под предлогом болезни патр. Никодима визит был отложен, хотя заместитель председателя Совета по делам Русской Православной Церкви С. К. Бельшев считал истинной причиной отказа от поездки влияние англичан, не желавших восстановления отношений Румынской Церкви с Московской Патриархией (Власть и церковь, 2009, т. 1, 423). Несколько иную картину событий представляло советское внешнеполитическое ведомство. Подробности подлинных настроений в Румынской Патриархии известны из пространного сообщения заведующего отделом балканских стран МИД СССР А. Власова. По информации советского посольства, большое влияние на патр. Никодима оказывал его секретарь профессор Штефанеску, считавший излишним в период выборов в румынский парламент демонстрировать дружбу с советской стороной. Очевидно, он не симпатизировал Советскому Союзу и стремился не допустить укрепления политических позиций коммунистических сил (блок демократических партий) в свете сотрудничества Румынской Церкви с Московской Патриархией (АВП РФ. Ф. 125. Оп. 14. Пор. 71. П. 132. Л. 23). Причиной возросшего влияния Штефанеску стало отстранение от патриарха попавшего в опалу председателя Союза демократического духовенства и министра культов свящ. К. Бурдучи, представлявшего круги «прогрессивного духовенства».

Решающее влияние на лавирующего патриарха оказала позиция премьер-министра П. Грозы. После неоднократных бесед с генеральным секретарем министерства культов прот. И. Ваской и министром информации П. КонстантINESКУ-ЯШЬ

патр. Никодим согласился ехать в Москву и сообщил советскому посольству о своем желании, при этом уточнив, что в силу преклонного возраста он отказывается совершать богослужения в московских храмах. Вместе с тем патр. Алексию он отправил письмо с извинениями за отложенный визит и с выражением готовности к встрече (АВП РФ. Ф. 125. Оп. 14. Пор. 71. П. 132. Л. 7, 22, 24).

Накануне поездки, 16 октября 1946 г., в связи с празднованием дня румыно-советской дружбы в печати вышло обращение патриарха к духовенству и народу, в котором он говорил о тесных связях между двумя народами, призывал к их укреплению «на благо процветания и безопасности» и высказывал пожелание, чтобы весь румынский народ был вовлечен в празднование этого события. В храмах румынской столицы в этот день совершались торжественные богослужения «в честь дружбы с Советским Союзом» (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 70. Л. 131, 133). При изучении событий вокруг первого визита румынского патриарха в Советский Союз отечественные исследователи зачастую оставляют без внимания этот тактический маневр патр. Никодима, имеющий, безусловно, политическое значение.

Наконец, 22 октября 1946 г. румынская делегация в составе патр. Никодима, епископа Орадиевского Николая (Поповича), викарного епископа Васлуйского Юстиниана (Марина), секретаря министерства культов прот. И. Васка, прот. М. Мадана и еще двух человек выехала в Москву (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 70. Л. 132). Панический страх патр. Никодима перед посещением Советского Союза не замедлил себя проявить. Так, отправившись из Бухареста в Яссы, делегация не успела на уходящий в Москву поезд. Как описывал события еп. Юстиниан, из опасений, что патриарх передумает ехать, было решено не дожидаться другого поезда и переправить делегацию через границу на советскую территорию, в г. Унгены. Когда проснувшемуся патриарху сообщили о пересечении границы, то он потребовал от еп. Юстиниана гарантий своей безопасности и что от него не будут требовать никаких подписей. Во время дальнейшего пути при маневрах поезда случилось так, что от толчка вагона многие упали. Патриарх разозлился и говорил, что на него пытались совершить покушение. Начальник станции Жмеринка был вынужден зайти к нему и извиниться, объяснив толчок отсутствием опыта у молодого машиниста (АВП РФ. Ф. 125. Оп. 35. Пор. 40. П. 129. Л. 67).

27 октября делегация прибыла в Москву. На вокзале патр. Никодима встретили митрополит Крутицкий Николай (Ярушевич), еп. Кишиневский Иероним, протопресв. Н. Колчицкий и румынский посол И. Иордан. Отсутствие среди встречающих патр. Алексия, которого патр. Никодим ожидал увидеть и отправиться вместе с ним в Патриархию, стало новой причиной его недовольства. В тот же день он встретился с патр. Алексием и сообщил о своем отказе совершать богослужения в кафедральном соборе, а вся беседа «проходила несколько натянуто». Епископ Юстиниан пытался воздействовать на патриарха, уговаривая его согласиться служить. Как следует из записи консула СССР в Яссах С. И. Степанова, «Видя, что уговорить Никодима не удастся, Юстиниан решил воздействовать на психологию: он заявил, что мы сюда приехали не ругаться, а с целью укрепления связей с Русской Православной Церковью, но если Никодим этого не хочет, то пусть сам и решает» (АВП РФ. Ф. 125. Оп. 35. Пор. 40. П. 129. Л. 68).

После богослужений в здании Патриархии состоялись официальные переговоры, в ходе которых стороны договорились отказаться от участия в экуменическом движении, совместно бороться с католичеством, причем прот. И. Васка говорил о необходимости правительственного решения о разрыве конкордата с Ватиканом. Патриарх Никодим согласился на открытие в Бухаресте русского подворья при условии предоставления московского храма для румынского представительства, также обсуждался взаимный студенческий обмен и ответный визит патр. Алексия в Румынию весной или летом 1947 г. (АВП РФ. Ф. 125. Оп. 14. Пор. 71. П. 132. Л. 19).

Во время пребывания румынской делегации в СССР в конфиденциальной беседе с сотрудником Совета по делам Русской Православной Церкви Блиновым еп. Николай

охарактеризовал патриарха как представителя «реакционных» кругов Румынской Церкви, а его официальные заявления как не соответствующие истинному мнению. По словам еп. Николая, патриарх настаивал на ограничении продолжительности визита, несмотря на возражения как сопровождавших его лиц, так и румынского посла (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 81. Л. 134).

Результаты переговоров лишь в некоторой степени разрешили накопившиеся вопросы и противоречия между Церквями. Справедливо утверждение, что итог визита патр. Никодима оказался «неоднозначным» потому, что значительный круг вопросов во время переговоров не поднимался [Шкаровский, 2011, 204].

В качестве жеста дружелюбия, который должен был компенсировать неудовольствие Московского Патриархата результатами переговоров, в декабре 1946 г. патр. Никодим предложил наградить патр. Алексия и председателя Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Г. Карпова орденом «Звезда Румынии». Через советского посла С. И. Кавтарадзе было запрошено об отношении советской стороны к подобному акту. 23 декабря Политбюро ЦК ВКП(б) разрешило патр. Алексию и Г. Г. Карпову принять ордена (АВП РФ. Ф. 125. Оп. 14. Пор. 71. П. 132. Л. 36, 37). Как сообщал С. И. Кавтарадзе, председатель румынского правительства П. Гроза «придает этому награждению большое значение в деле укрепления румыно-советской дружбы» (АВП РФ. Ф. 125. Оп. 29. Пор. 31. П. 30. Л. 1). О доброжелательном отношении премьер-министра к Русской Церкви видно из его письма к Патриарху Московскому от 10 января 1947 г., в котором он благодарил за оказанный в Москве предстоятелю Румынской Церкви прием, заложивший «новый камень в фундаменте традиционной вековой связи между Церквями и нашими народами» (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 29. Л. 152). Также его влиянию румынские историки относят и приглашение патр. Алексия с ответным визитом в Румынию [Leustean, 2005, 452].

В марте 1947 г. Совет по делам Русской Православной Церкви через дипломатические каналы предпринял попытку напомнить патр. Никодиму о приглашении Московского патриарха в Бухарест и уточнил ожидаемые сроки поездки. После беседы с советским послом в Румынии С. И. Кавтарадзе патриарх предложил организовать визит в мае (АВП РФ. Ф. 125. Оп. 35. Пор. 40. П. 129. Л. 13, 20).

Процесс подготовки визита патр. Алексия в Румынию является характерным примером уровня отношений между Церквями. Так, в апреле 1947 г. к патр. Никодиму прибыл первый секретарь советского посольства С. А. Дангулов, передавший ему приглашение на Всеправославный Собор в Москве. От прямого ответа патр. Никодим отказался, заметив, что у него есть время для решения этого вопроса. «Чувствовалось, что содержание письма патриарха Алексея насторожило и даже встревожило Никодима, однако он предпочел больше не высказываться по этому вопросу и поспешно спрятал пакет в письменный стол», — сообщал Дангулов (АВП РФ. Ф. 125. Оп. 35. Пор. 40. П. 129. Л. 23). Далее советский дипломат интересовался ходом подготовки визита русского патриарха в Румынию. Обсуждались вопросы количества членов делегации, ее размещения и маршрута передвижений. В частности, количество участников делегации патриарх хотел ограничить небольшим числом, указывая на то, что он приезжал в Москву в окружении только семи человек.

К предложениям патр. Никодима советский дипломат отнесся «подчеркнуто холодно» и дал понять, что собирается завершить беседу. Патриарх Никодим изменил характер разговора и заговорил о своей любви к Патриарху Московскому, прибытие которого является осуществлением его давнего и сильного желания, озвученного во время поездки в СССР. «Когда меня упрашивали там приехать еще раз в Москву, я им говорил, что мой второй приезд в Москву зависит от первого приезда патриарха Алексея в Бухарест», — продолжал патр. Никодим (АВП РФ. Ф. 125. Оп. 35. Пор. 40. П. 129. Л. 25).

«В патриаршем дворце, — отчитывался Дангулов, — серьезно раздумывают над тем, какие меры следует принять для того, чтобы сам факт приезда патриарха Алексея в Румынию сделать по возможности малозаметным, умалив значение этого

события и ограничив его резонанс. Из намеков патриарха слишком очевидно следовало, что в патриаршем дворце желают, чтобы патриарх Алексей прибыл в Румынию в сопровождении небольшой делегации, чтобы он остановился в гостинице, которая слывет в Бухаресте „постоялым двором для иностранцев“ и... чтобы сам отъезд патриарха из Румынии был организован не из Бухареста, что придало бы этому событию соответствующее звучание, а из Ясс». По мнению дипломата, профессор Штефанеску оказывал на патриарха серьезное влияние с целью «умалить значение» поездки патриарха Московского, а его работа в Патриархии продолжает приносить вред советским интересам (АВП РФ. Ф. 125. Оп. 35. Пор. 40. П. 129. Л. 24, 25).

К приеду патр. Алексия советское посольство спешило завершить передачу Московской Патриархии бывшего Никольского храма в Бухаресте, договоренность о котором была достигнута патриархами на встрече в октябре 1946 г. Московская Патриархия в этом вопросе принимала минимальное участие, и основная ответственность лежала на посольстве и Совете по делам Русской Православной Церкви. 22 мая 1947 г. Румынская Патриархия официально передала Никольский храм советской стороне (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1101. Л. 30).

29 мая 1947 г. начался ответный визит патр. Алексия в Румынию, прибывшего в сопровождении митрополита Ленинградского Григория (Чукова), архиепископа Дмитровского Виталия (Введенского), протоиереев С. Маркова, Г. Разумовского, Н. Колчицкого, архидиакона Г. Антоненко и священника Истомина.

Во время пребывания в Бухаресте делегация Русской Церкви встречалась с королем Михаем, премьер-министром П. Грозой и министром культов Р. Рошкулцем, присутствовала на открытии института русской культуры. Причем встречу с королем, как считал советский посол С. Кавтарадзе, патр. Никодим намеренно организовал для укрепления авторитета монарха (АВП РФ. Ф. 125. Оп. 35. Пор. 40. П. 129. Л. 26). 1 июня состоялось совещание румынского и русского духовенства по вопросам предстоящей работы Всеправославного Собора. От Московской Патриархии участвовал прот. Г. Разумовский, а от румынской – секретарь министерства культов прот. И. Васка, священники П. Винтелеску, Г. Винтелеску, Г. Черныяну, М. Мадан и А. Северин. Примечательно, что накануне прот. И. Васку обратился к патр. Никодиму за благословением на проведение совещания, но получил отказ. Несмотря на отсутствие разрешения патриарха, сотрудники Румынской Патриархии согласились с предложением прот. И. Васки и собрались в назначенный день. Участники совещания отмечали своевременность созыва Всеправославного Собора и признали необходимым обсуждение вопросов об отношении к экуменическому движению, деятельности Ватикана, о новом и старом стиле и др. Как сообщил прот. Г. Разумовский, о результатах совещания прот. И. Васка доложил премьер-министру, «результатом чего явилась речь т. Петру Гроза от 2 июня на приеме в Патриархии» о необходимости участия Румынской Церкви в Соборе (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 133. Л. 49, 50).

В беседах с советским генконсулом в Констанце Н. Федоровым руководящие сотрудники румынского министерства культов делились приятным впечатлением от общения с патриархом, которого называли высокообразованным и симпатичным человеком (АВП РФ. Ф. 125. Оп. 35. Пор. 40. П. 129. Л. 50). Румынские газеты широко освещали ход пребывания делегации Русской Церкви и много писали о вековых связях между Церквями (Власть и церковь, 2009, 528, 545, 546). Во время визита патр. Алексей передал на восстановление русского храма в Бухаресте 100 млн румынских леев, и уже через месяц после его отъезда начались восстановительные работы [Содоль, 2018, 265].

Помимо столицы Патриарха Московского принимали в городах и монастырях: Куртя де Арджеше, Клуже, Сибиу, Симмерии, Сучаве, Деву, Тимишоре и Яссах, Нямецком и Сучевицком монастырях. В справке, подготовленной генконсулом Н. Федоровым по итогам поездки, фиксировались все публичные выступления патр. Алексия и патр. Никодима, хронология событий и приемов. Так, на приеме в советском посольстве патр. Никодим в своей речи много говорил об исторических примерах внесших большой вклад в развитие России выходцев из Румынии. «Из смысла этого



выступления вытекает, что румынам нечему учиться у русских, что Русская Православная Церковь не имеет достаточно оснований для того, чтобы претендовать на руководство Румынской Православной Церковью. Примерно в этом же духе Никодим высказывался и в беседах во время пребывания Алексия в Нямецком монастыре», — сообщалось в документе. По мнению советского дипломата, визит предстоятеля Русской Церкви открывал перед румынами положение Русской Церкви в Советском Союзе и пресекал распространение сведений о преследовании религии (АВП РФ. Ф. 125. Оп. 35. Пор. 40. П. 129. Л. 48, 51).

В сопровождении премьер-министра П. Грозы патр. Алексей посетил село Бачии, где совершил заупокойное богослужение на могилах его отца-священника и других родственников и пообщался с жителями. Подобное внимание Предстоятеля Русской Церкви лично к главе румынского правительства оказало на него сильное эмоциональное воздействие. При прощании во время ужина в Тимишорах премьер-министр П. Гроза благодарил патр. Алексия за визит от имени румынского народа, «проникнутого любовью к Советскому Союзу и чувством дружбы к Великому нашему Восточному Соседу», и за «эту великую честь, оказанную мне и моей семье» при посещении родного села (АВП РФ. Ф. 125. Оп. 29. Пор. 31. П. 30. Л. 4).

Значимым результатом визита стало согласие патр. Никодима на участие во Всеправославном Соборе в Москве, которое «было прямо-таки вырвано» и считалось «крупной победой» в условиях сопротивления этому «реакционного» окружения патриарха. На приеме у румынского патриарха в честь русской делегации премьер-министр П. Гроза говорил о необходимости создания единого православного фронта для борьбы с католичеством, преследующего цели разрушения мира: «Патриарх Московский и всея Руси есть вестник мира. Этот мир зависит от установления общего вселенского фронта против тех, кто развязывает войну». Выразив радость по поводу того, что Румынская Православная Церковь приглашается осенью этого года на общеправославное совещание, созываемое патр. Алексием, П. Гроза выразил уверенность, что ответ Румынии на него будет таким, какого заслуживает это приглашение. После этого патр. Никодиму ничего не оставалось, как дать свое согласие на участие Румынской Церкви в Московском совещании. Он сказал: «Мы должны считаться со всем сказанным нашим премьером Гроза. Будем уверены в успехе этого дела» (АВП РФ. Ф. 125. Оп. 35. Пор. 40. П. 129. Л. 46, 47). Таким образом, под влиянием политических сил патр. Никодим в очередной раз оказался вынужден взаимодействовать с Московской Патриархией.

В отечественной историографии результаты визита рассматриваются как начало нормализации отношений между Русской и Румынской Церквями, хотя и несколько формального со стороны последней. В качестве положительного примера «потепления» указывается возвращение русского Никольского храма в Бухаресте [Шкаровский, 2011, 206]. Однако с вышеназванным тезисом сложно согласиться ввиду отсутствия положительных примеров нормализации межцерковных отношений, а передача Никольского храма Московской Патриархии происходила при непосредственном участии советских и румынских дипломатических ведомств без прямого участия священноначалия Румынской Церкви. В то же время следует обратить внимание не только на активное сотрудничество государственных ведомств — Совета по делам Русской Православной Церкви и Министерства культов Румынии, — но и доброжелательное отношение румынского премьер-министра П. Грозы лично к патр. Алексею, которое играло не последнюю роль в развитии межцерковного сотрудничества Румынской и Русской Церквей особенно после визита Патриарха Московского 1947 г. Румынское правительство, оказывавшее большое влияние на патр. Никодима, понуждало его к активному взаимодействию с Московской Патриархией.

Принципиальные изменения в отношениях между Церквями наступили после смерти патр. Никодима в феврале 1948 г., когда временные права на управление Румынской Церковью перешли к митрополиту Молдавскому Юстиниану. Известный своей симпатией к коммунистическому крылу румынского правительства и имевший

давние связи с Советским Союзом, митр. Юстиниан положил начало новой эпохе межцерковных связей Румынской и Московской Патриархии, в которой не было места прежнему формализму и недосказанности. Трансформация внешней политики советского государства на церковном направлении, наступившая после Совещания глав и представителей Православных Церквей в 1948 г., направила межцерковное сотрудничество в области международной борьбы за мир и противодействия Ватикану и Константинополю.

## Источники и литература

### Источники

1. АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 125. Оп. 14. Пор. 71. П. 132; Оп. 29. Пор. 31. П. 30; Оп. 35. Пор. 40. П. 129.
2. Власть и церковь (2009) — Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953: документы российских архивов: в 2 т. / Отв. ред. Т. В. Волокитина. М., 2009.
3. ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 29, 70, 81, 133, 1101.

### Литература

4. Волокитина (2003) — *Волокитина Т. В.* Москва и православные автокефалии Болгарии, Румынии и Югославии (К проблеме восприятия советской модели государственно-церковных отношений в 40-е гг. XX в.) // *Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958 гг. (Дискуссионные аспекты)*. М., 2003. С. 99–125.
5. Волокитина (2008а) — *Волокитина Т. В.* Восприятие советской модели государственно-церковных отношений в восточноевропейских странах православной традиции после Второй мировой войны // *Славянский альманах*. 2007. М., 2008. С. 162–179.
6. Волокитина (2008б) — *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф.* Московская и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: Очерки истории. М., 2008.
7. Волокитина (2012) — *Волокитина Т. В.* Государство и православные автокефальные церкви в Восточной Европе в период формирования советского блока: замыслы и реальность // *Церковь и общество в истории стран Центрально-Восточной Европы*. М., 2012. С. 68–84.
8. Каиль (2017) — *Каиль М.* «Православный фактор» в советской дипломатии: международные коммуникации Московского патриархата середины 1940-х гг. // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2017. № 1. С. 19–40.
9. Содоль (2018) — *Содоль В. А.* Взаимоотношения Московского и Бухарестского Патриархатов во второй половине 1940-х гг. и возобновление деятельности подворья РПЦ в Бухаресте // *Русин*. 2018. № 52. С. 258–272.
10. Шкаровский (2011) — *Шкаровский М. В.* Православная Церковь Румынии в 1918–1950-х годах // *Вестник церковной истории*. 2011. № 3–4. С. 173–222.
11. Шереш (2014) — *Шереш А.* «Без должного такта к религии и верующим». Российские документы, касающиеся вопроса пребывания румынского министра культов Петре КонстантINESКУ-ЯША в СССР в 1955 г. // *Государство и церковь в СССР и странах Восточной Европы в период политических кризисов второй половины XX века* / Отв. ред. Г. П. Мурашко, А. И. Филимонова. М.; СПб., 2014. С. 487–530.
12. Leustean (2005) — *Leustean L. N.* Ethno-symbolic nationalism, Orthodoxy and the installation of communism in Romania: 23 August 1944 to 30 December 1947 // *Nationalities Papers*. 2005. Vol. 33. № 4. p. 439–458.